

162-163, 196-197.

УДК 304

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹**Мерсиянова И.В.**

Аннотация. В статье анализируются функции доверия и недоверия в гражданском обществе. На обширном эмпирическом материале, собранном в рамках мониторинга состояния гражданского общества Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», рассматривается проблема доверия населения к негосударственным некоммерческим организациям, а также проблема межличностного доверия во взаимосвязи с установками россиян, влияющими на их участие в социальных практиках гражданского общества. Делается вывод о необходимости развития в нашей стране культуры доверия, которая понимается не только как комплекс исторически сформированных установок, норм и ценностей, но и как активно воспроизводимая в социальных практиках гражданского общества структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться.

Ключевые слова: гражданское общество, доверие, недоверие, негосударственные некоммерческие организации, культура.

TRUST AND DISTRUST IN THE CIVIL SOCIETY**Mersianova I.V.**

Abstract. The main purpose of this paper is to analyse the functions of trust and distrust in the civil society. The author studies problems of the population's and interpersonal trust in non-state and non-commercial organizations in their connection with the Russians' attitudes which affect the people's participation in the civil society's social practice. The results are based on the extensive empirical data accumulated in the process of monitoring the civil society's condition by the National Research University "Higher School of Economics". The paper focuses on the necessity to develop the trust's culture in Russia which can be understood to be not only a set of historically formed attitudes, norms and values, but also a structure of relations actively reproduced in the social activities of the civil society which can be planned and controlled deliberately.

Keywords: civil society, trust, distrust, culture, non-state and non-commercial institutions.

Постановка проблемы. Баланс доверия и недоверия является необходимым условием для развития в нашей стране гражданского общества как общества свободной самоорганизации, включающего совокупность социальных связей, норм, ценностей и действий людей индивидуального или коллективного характера в сфере не их приватной (частной), а публичной (или общественной) жизни. Представленное ниже исследование посвящено анализу основных проблем изучения доверия и недоверия в гражданском обществе, а именно: трудностям определения гражданского общества и верификация эмпирического объекта, функциям доверия и недоверия в гражданском обществе и специфической проблеме доверия населения к НКО.

Трудности определения гражданского общества и верификация эмпирического объекта

Сегодня «гражданское общество стало предметом повышенного аналитического и политического внимания по всему миру» [33, Р. 84]. Исследования последних лет наводят на мысль о связи между присутствием организаций гражданского общества, экономическим прогрессом и демократичностью управления в разных странах, что делает заботу о состоянии гражданского общества задачей как академической, так и практической [17; 24; 27-30; 32; 35; 37].

Но, «не смотря на обращенное к нему внимание, гражданское общество остается ускользающей концепцией, и еще более ускользающей реальностью. Не существует согласия в определении концепции, не говоря уже об измерении его наличия или отсутствия» [33, Р. 84]. Данный тезис разделяется российскими обществоведами, подчеркивающими, что гражданское общество – это категория, в осмыслении которой пока так и не появилось необходимой теоретической ясности (см. публикации отечественных авторов: [2, С. 9; 4, С. 104; 15, С. 3; 19, С. 101]), пока отсутствует достоверное

¹ Статья подготовлена на основе результатов Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», полученных в рамках мониторинга состояния гражданского общества, проводимом по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

понимание природы институтов гражданского общества [14, С. 94]. Так, например, еще в 2002 году А.А. Гусейнов на заседании круглого стола журналов «Вопросы философии» и «Государство и право» отмечал, что «если понятие гражданского общества в том виде, в каком оно фигурирует в современном российском общественно-политическом дискурсе (в СМИ, речах идеологов реформ, научной публицистике и тому подобных источниках), подвергнуть элементарному логическому анализу, взяв за критерий хотя бы простейшее требование однозначного употребления терминов, то картина получится обескураживающей. В одном случае под гражданским обществом понимается структурная единица (сфера) общества, обозначающая зону между индивидом и государством; в другом – общество в целом, рассматриваемое к тому же в качестве цели, идеала («Мы строим гражданское общество» – одно из привычных выражений реформаторской лексики); в третьем – совокупность налогоплательщиков, которые, как считается, нанимают государственных чиновников; в четвертом – негосударственная сфера политической жизни, в качестве типичного выражения которой фигурирует, в частности, многопартийность; в пятом – неполитические формы общественной активности типа гражданских инициатив; и т.п. Дотошный исследователь, думаю, мог бы насчитать десятки, а то и сотни такого рода определений» [8, С. 30].

В чем причины такой неопределенности понятия «гражданское общество»? З.Т. Голенкова относит гражданское общество «к числу понятий социологической и политической теории (наряду с понятиями свободы, справедливости, равенства, демократии), которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Такого рода понятия нелегко определять, а их применение означает не только известную зону неопределенности, но и большие или меньшие различия в их толковании» [6, С. 25]. По мнению И.И. Кравченко, невозможно постулировать теорию гражданского общества: «Она была бы слишком многомерной, ибо каждая из существующих концепций гражданского общества охватывает сложный комплекс проблем, включает открытия крупнейших политических мыслителей, задачи, не решенные и по сей день» [11, С. 128].

Вероятно, причины неопределенности понятия «гражданское общество» кроются в многообразии позиций по ключевым вопросам, ответы на которые раскрывают его смысл, – о роли граждан в общественной жизни и их субъектной роли в государстве, о правах человека и обязанностях, о соотношении рынка и государства и т.д. А.А. Гусейнов полагает, что «это ускользающее мерцание смыслов нельзя считать просто следствием интеллектуальной беспечности. ... Дело в том, что понятие гражданского общества в российском общественном сознании несет на себе по преимуществу идеологическую нагрузку, призвано духовно-теоретически санкционировать происходящие в стране преобразования» [8, С. 30].

По всей видимости, трудности в определении гражданского общества связаны с трудностями в определении основополагающего понятия, как социальной философии, так и теоретической социологии, – понятия «общество». В социологии существуют разнообразные определения данного понятия, основанные на разных теоретических подходах, в частности, на социологическом номинализме или социологическом реализме, структурном функционализме, символическом интеракционизме, этнометодологии, на конфликтных парадигмах и т.д. Многие обществоведы согласятся с мнением Н. Лумана о том, что «со словом “общество” не связаны никакие однозначные представления» [13, С. 196], или с утверждением Н. Смелзера, что «ученые с трудом определяют сущность понятия “общество”» [21, С. 84]. Э. Гидденс называет термин «общество» неоднозначным, и «несмотря на то, что термин “общество” постоянно фигурирует в рассуждениях социологов, он по большей мере остается неисследованным» [5, С. 57, 65].

Возможно, обращение к истокам идеи гражданского общества могло бы прояснить смысл самого понятия. Как писалось в 1991 году в журнале «Полис», «такие теории лучше всего познаются от их истоков, в становлении, из их исторического движения» [11, С. 128]. Однако до сих пор, за прошедшие 20 лет, процесс познания не привел к кристаллизации теоретических основ гражданского общества, несмотря на большое количество работ, посвященных генезису идеи гражданского общества. «Исследователи научной категории гражданского общества отмечают, что, несмотря на широкое распространение этого понятия, до сих пор по существу окончательно не выделен предмет его изучения, нет однозначного научного определения этого явления и его содержания, следовательно, нет и общепризнанной концепции гражданского общества» [22, С. 120].

Однако неопределенность самого понятия гражданского общества не отвлекает наше внимание от исследования институтов гражданского общества (хотя их перечень также является дискуссионным) и повседневных социальных практик, поддерживающих их функционирование. Речь в данном случае идет об изучении российского третьего сектора, который составляют негосударственные некоммерческие организации (далее – НКО), и таких социальных практик как добровольчество, денежные пожертвования, участие в деятельности НКО, самоорганизация по месту жительства и др.

Исследования последних лет показывают, что в неформальные практики гражданского общества вовлечена значительная часть россиян: до 2/3 россиян являются участниками неформальной волонтерской деятельности, до 50% россиян участвуют в денежных пожертвованиях, примерно трети приходилось участвовать в каких-либо мероприятиях, организованных самими гражданами по месту жительства².

Однако в стране относительно слабо развиты формальные каналы мобилизации общественной активности: лишь 3% россиян декларируют свое участие в НКО в качестве добровольцев (или 0,42% экономически активного населения в пересчете на полную занятость), лишь 1-2% россиян указывают в качестве посредников своей благотворительной деятельности какие-либо организации, большинство предпочитают делать денежные пожертвования нуждающимся лично в руки или в форме милостыни.

Формальные каналы социального участия и мобилизации общественной активности относительно слабы. Одна из основных причин заключается в том, что значительная часть россиян не доверяет НКО (см., например: [18, С. 187-182]). Это усугубляется сформировавшимся в середине 1990-х годов в нашей стране общественно-политическим феноменом, получившим название «дефицит доверия». Он стал одним из негативных следствий радикальных экономических и политических преобразований, которые имели место в России в 1990-х гг. Дефицит доверия остро чувствовался во многих слоях общества в то время и в большинстве сфер жизнедеятельности людей, особенно в экономике, политике и социальной сфере. До сих пор дефицит доверия имеет место в нашей стране и характеризуется как низким уровнем межличностного доверия³, так и низким уровнем институционального доверия⁴.

Функции доверия и недоверия в гражданском обществе

Существуют различные подходы к пониманию сущности доверия. В различных исследованиях доверие рассматривается как ожидание, установка, отношение, состояние, чувство, процесс социального обмена и передачи информации и других значимых благ, личностное и групповое свойство [1; 9; 10; 12; 16; 20; 31; 34; 36; 24; 25]. Наибольшее распространение получили определения доверия как ожиданий [12, С. 59]. Мы рассматриваем доверие населения к НКО как совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении деятельности негосударственных некоммерческих организаций. Тем самым мы разделяем подход к определению доверия как более общего отношения или ожидания от других людей и общественных систем (Б. Барбер, Х. Гарфинкель, Н. Луман и др.). Впервые доверие как совокупность «социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении других людей, организаций, учреждений и естественных, моральных и социальных порядков, которые составляют фундаментальное содержание жизни» определил Б. Барбер⁵. Данные

² См., например: Потенциал и пути развития филантропии в России/ Под. ред. И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсона. М., 2010. Гл. 6-8.

³ По данным всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ-ВШЭ и ФОМ в 2009 году (n = 2000 чел.), сегодня три четверти россиян (78%) выражают уверенность, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, и лишь 18% – что большинству людей можно доверять. Временной ряд данных о межличностном доверии в нашей стране см. подробнее: [23, С. 168].

⁴ Данные тезис подтверждают результаты всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ-ВШЭ и ФОМ в 2009 году (n = 2000 чел.), в ходе которого у респондентов спросили, каким организациям они доверяют (был предложен список, из которого можно было выбрать любое число ответов). В итоге 76% участников опроса назвали организации, которым они доверяют, и ровно столько же – каким не доверяют. Судя по разнице в ответах на вопросы, наибольшим доверием населения пользуется церковь (ей доверяют 43%, а не доверяют – только 4%) и Вооруженные силы (33% против 5%). А меньше всего население доверяет крупному бизнесу (1% доверяющих против 20% не доверяющих), политическим партиям (3% против 22%), прессе (8% против 27%), а также милиции (18% против 33%) и региональным и местным властям (8% против 20%).

⁵ Мы разделяем подход к определению доверия как более общего отношения или ожидания от других людей и общественных систем (Б. Барбер, Х. Гарфинкель, Н. Луман). Впервые доверие как совокупность «социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении других людей, организаций, учреждений и естественных, моральных и социальных порядков, которые составляют фундаментальное содержание жизни» определил Б. Барбер. См. подробнее в кн.: [26, Р. 164-165].

ожидания формируются под влиянием личного опыта взаимодействия с сотрудниками и добровольцами НКО (на микроуровне) и в рамках институциональных структур третьего сектора, обладающих определенными характеристиками (на макроуровне).

Доверие в гражданском обществе является безусловным, что противоречит распространенной модели рационального доверия, основанного на взаимном выполнении обещаний, то есть на обмене. Данная модель обладает хорошим объяснительным потенциалом в отношении экономического поведения индивидов, но имеет серьезные недостатки для объяснения альтруистического поведения людей. А. Селигмен считает, что обойти это противоречие позволяет концепция «генерализованного обмена», форму которого приобретает доверие в современную эпоху [20, С. 82]. Генерализованный обмен означает, что субъект соблюдает нормы сообщества, не претендуя на немедленное вознаграждение, а рассчитывая на то, что другие члены общества будут поступать так же, что в итоге позитивно скажется на жизнедеятельности всего общества и самого субъекта. Однако мы солидарны с А.Б. Купрейченко, высказывающейся о том, что понимание доверия как особой формы договора или любой формы обмена (персонифицированного или неперсонифицированного, эквивалентного или неэквивалентного) «уводит нас немного в сторону от понимания подлинной сути доверия (или сути подлинного доверия)» [12, С. 54], особенно доверия в гражданском обществе. Она ставит вопрос о том, какой тип доверия может заменить рациональное доверие в условиях, когда в современном обществе все более интенсивным и частым становится взаимодействие при отсутствии духовной близости или единства целей и ценностей, нередко взаимодействие носит деперсонифицированный характер, часто партнеры лишены возможности достаточно хорошо узнать друг друга и заключить надежный договор. И предлагает ответ на этот вопрос с опорой на объяснения кооперации и сотрудничества людей существованием некоторых базовых социальных потребностей (социальных инстинктов, «органической солидарности» по Э. Дюркгейму, «спонтанной социальности» по Ф. Фукуяме) [7, С. 55]. Существует некая базовая социальная потребность человека в жизни в сообществе, на которой строятся все остальные социальные потребности: в совместности, общности, принадлежности, уважении и т.д. Э. Дюркгейм видел основу органической солидарности людей в единых для всех людей нравственных ценностях. Однако в ситуации высокой неопределенности, которая может сопровождаться противоречиями или даже конфликтами мировоззрений, целей и интересов, «органическая солидарность» не может выступать достаточным гарантом безопасности взаимодействия и снизить риски. Поэтому мы солидаризируемся с А.Б. Крупейченко, полагающей, что одной из особенностей современного состояния доверия в обществе является тенденция одновременного присутствия в отношениях доверия и недоверия между партнерами – баланса оптимального уровней доверия и недоверия.

Доверие и недоверие в гражданском обществе выполняют специфические функции. Доверие выступает основой самоорганизации, совместной деятельности людей, служит поддержанию моральных основ и социальных норм; обеспечивает социальную интеграцию, определенный уровень коммуникации индивидов и их общностей. Существующий уровень доверия в определенной ситуации формирует перцептивную установку на ее восприятие. Доверие как основа социального капитала (системы связей и отношений) выполняет функцию воспроизводства социальной структуры (по Ф. Фукуяме). Недоверие защищает от нежелательных последствий взаимодействия, вызывает дистанцирование и, как результат, низкий уровень солидарности и разобщенность в обществе. Приведем эмпирические данные, характеризующие уровень доверия и недоверия в российском обществе⁶.

Подавляющее большинство россиян (78%) выражают уверенность, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, и лишь 18% – что большинству людей можно доверять. Особенно часто установка на осторожность в отношениях с другими людьми встречается среди низкоресурсных категорий респондентов: с образованием ниже среднего, низкими доходами и жителей малых городов или поселков городского типа. Под влиянием экономического кризиса 2008-2009 гг. фактически не изменился уровень социального доверия в российском обществе, однако каждый второй россиянин полагал, что за время экономического кризиса люди стали меньше доверять друг другу.

Существует связь между доверием и удовлетворенностью потребности человека в безопасности, что подтверждают следующие данные. Среди тех, кто полагает, что в отношениях с людьми следует

⁶ По результатам всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ-ВШЭ и ФОМ в 2009 году (n = 2000 чел.).

быть осторожнее, на 15 п.п. ниже доля тех, кто чувствует себя в безопасности. Данные опроса свидетельствуют о том, что чувство личной безопасности оказывает некоторое, хотя и не значительное, влияние на активность индивида и готовность к интеграции по защите своих интересов. Напротив, чувство незащитности подрывает основы коллективного действия из-за снижения веры людей в свои силы, равно как и в чужие. Так, среди респондентов второй группы (не чувствующих себя в безопасности) доля тех, кто готов объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, хотя и ниже аналогичного показателя среди респондентов первой группы (чувствующих себя в безопасности) – 55% против 63%, – но, тем не менее, довольно велика. Не готовы объединяться 33% и 27% соответственно. Такой сравнительно высокий показатель ориентации на объединение с другими людьми среди тех, кто не чувствует себя в безопасности, свидетельствует, скорее, о потребности в таком объединении, чем о реальной готовности к нему. Это показывает и распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам в течение последнего года становиться инициатором, организовывать какие-то коллективные действия?». В обеих группах подавляющее большинство выбрали вариант «не приходилось» (72% и 73%). Доли тех, кто дал положительный ответ, указав ту или иную цель коллективного действия, также не различаются.

В связи с низким уровнем межличностного доверия выстраивание горизонтальных отношений – в частности, гражданских инициатив – затруднено. По мнению большинства опрошенных, российскому обществу не хватает сплоченности. Почти три четверти участников опроса (72%) считают, что сегодня среди россиян преобладает разобщенность, и только 16% придерживаются противоположного мнения и говорят о сплоченности нашего общества. Даже респонденты, доверяющие людям, чаще говорят, что в нашей стране больше несогласия. Хотя их доля ниже, чем среди не доверяющих людям. Скорее всего, связь двусторонняя, образующая замкнутый круг, который сложно разорвать. А именно: уверенность в разобщенности общества закрепляет установку на осторожность в отношениях с другими людьми или формируется в результате негативного опыта взаимодействия с ними, например, в ситуации обмана ожиданий контрагентом.

Доля участников опроса, указавших на разобщенность в своем личном окружении, почти в два раза меньше – 38%. Половина же респондентов (51%) считают, что в их кругу больше согласия, чем несогласия. Обратим внимание: среди доверяющих людям 71% считают свое окружение сплоченным и только 22% – разобщенным, а среди не доверяющих людям эти доли почти равны (46% и 43%). Получается, недоверие к людям у каждого второго вызывает отчуждение не только от незнакомых, но и от более или менее близких людей.

Тем не менее, определенный потенциал развития гражданской активности есть. Больше половины россиян готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если их интересы и цели совпадают. Эти люди отличаются повышенным уровнем социальной ответственности как за то, что происходит в их непосредственном окружении, так и за ситуацию в стране. Они больше уверены в своих способностях влиять на то, что происходит в их жизни. В целом они относятся к ресурсным категориям населения.

Большинство готовых объединяться участвовали в благотворительных мероприятиях и инициативах, за последний год они оказывали по собственной инициативе помощь, поддержку кому-либо, совершали поступки на благо других людей, занимались благотворительностью. Некоторые становились инициаторами каких-либо коллективных действий для решения своих или чужих проблем.

Таким образом, доверие в гражданском обществе иницирует совместные действия, служит воспроизводству отношений взаимопомощи, действий индивидуального и коллективного характера для решения проблем, касающихся широких социальных общностей и т.д. Связи индивида и группы становятся более устойчивыми, а его включение в общность – более полным. Доверие должно производиться и воспроизводиться в отношениях, на которых основаны повседневные практики гражданского общества, которые в свою очередь поддерживают устойчивость функционирования институтов гражданского общества. С другой стороны, само доверие воспроизводит названные отношения и гражданское общество в целом⁷.

Проблема межличностного доверия в гражданском обществе тесно связана с проблемой институционального доверия, объектом которого выступают негосударственные некоммерческие организации.

⁷ В этих постулатах прослеживается логика Ю.В. Веселова при анализе им функций доверия в обществе. См. подробнее: [3, С. 28].

Проблема доверия населения к НКО

Проблема доверия к НКО локализуется на двух уровнях: доверие к сотрудникам и добровольцам НКО и доверие к организациям. В первом случае доверие обеспечивает деперсонифицированное взаимодействие в соответствии с социальными ролями, воспроизводство социальной структуры. Судя по результатам опроса⁸, занятие общественной работой вызывает одобрение у значительной части россиян, что выражается в более доверительном отношении к занятым этим людям. Примерно половина респондентов (46%) полагает, что можно больше доверять людям, занимающимся общественной работой и которых они лично знают. Доверие на межличностном уровне активизирует коммуникацию и взаимодействие, снижает риск и мобилизует активность сторон во взаимодействии. Благодаря доверию обмен информацией становится более широким, приобретая черты постоянства [3].

Вопрос о доверии к НКО выяснялся в ходе наших исследований только среди тех, кто был информирован об их деятельности. Информированность влияет на то, какой устанавливается тип доверия к НКО. Если человек информирован о деятельности НКО, т.е. негосударственная некоммерческая организация не является неизвестным объектом, то доверие формируется на основе надежности, единства, приязни, предсказуемости, выполняя при этом функции формирования устойчивых позитивных отношений и обеспечения эффективного взаимодействия. Если же НКО является неизвестным объектом, то доверие к нему формируется на основе интуитивных и эмоциональных оценок, стереотипов, предубеждений, а также на основе интереса к нему, его новизны, непонятности, выполняя при этом функции облегчения принятия решения в ситуации дефицита информации, познания мира и социального обмена.

Респондентам, заявившим о том, что они знают или что-то слышали о местных НКО (76%), задали вопрос «Каким общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, общественным гражданским инициативам Вы доверяете?». Ответили «никаким» 21%, и еще 18% затруднились с ответом. Если учесть что не отвечали на этот вопрос 24% респондентов, получится, что высказались о доверии тем или иным НКО 37% россиян.

Респонденты, заявившие о доверии конкретным организациям, чаще упоминали общества защиты прав потребителей, ветеранские объединения, садовые и дачные товарищества, профсоюзы и общества инвалидов. Реже других доверие респондентов вызывают: профессиональные ассоциации или творческие союзы, органы территориального общественного самоуправления, местные инициативы по защите имущественных, жилищных, потребительских прав и интересов местных жителей, этнические общины и молодежные политические и неформальные объединения неполитического характера, движения национально-патриотического толка.

Уровень доверия граждан, участвующих в деятельности НКО (кроме ТСЖ, ЖСК, садовых и дачных товариществ, политических партий) к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, гражданским инициативам, заметно выше общероссийского. Респонденты, вовлеченные в деятельность НКО, чаще, чем в среднем, доверяют профсоюзам (25% против 8%), ветеранским объединениям (19% против 9%), спортивным, туристическим, охотничьим, автомобилистским клубам (15% против 6%), обществам защиты прав потребителей (20% против 12%).

Люди, участвующие в деятельности НКО, доверяют в среднем большему числу видов НКО, чем те, кто не участвуют в деятельности НКО. Важным аспектом проблемы доверия к НКО является доверие со стороны их целевых групп, то есть со стороны тех, на кого нацелена работа организации. Установка на доверие конкретной НКО является важным условием формирования ее имиджа. В ходе проведенных нами глубинных интервью с 20 руководителями НКО большая часть руководителей НКО (13 человек) считают, что имеется высокий уровень доверия к их организации со стороны всех целевых групп, еще в двух НКО отметили, что есть высокий уровень доверия со стороны отдельных целевых групп.

Приведем несколько примеров:

«Со стороны всех целевых групп есть доверие. Оно исходит из того, что ты делаешь, от результатов твоей деятельности».

«У нас высокий уровень доверия со стороны всех групп. Административных, целевых и нецелевых».

«Уровень доверия высокий – мы неоднократные лауреаты городского конкурса, на фестивалях очень хорошо себя зарекомендовали, от министра культуры у меня не одна грамота».

⁸ По результатам всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ-ВШЭ и ФОМ в 2007 году (n = 3000 чел.).

«Я думаю, что ни федерация, ни наши инструкторы не запятнали себя. Авторитетом не торгуем. Самое хорошее доверие – это доверие на уровне конкретного человека. Мы не будем стучать в грудь кулаком, но о нас никто плохо за спиной не скажет».

«По отношению к нам уровень доверия - серьезный. Этот уровень подтверждается нашим профессиональным отношением к делу. Вообще говоря, поскольку прямое отношение к полетам аэростатов имеют вопросы безопасности, у нас очень серьезно поставлена эта работа. У нас аттестованные пилоты, есть «Свидетельства эксплуатантов», выданные Минтрансом Российской Федерации. Наша аэростатная техника сертифицированная, периодически проходит там осмотры. Собственно, это и позволяет обеспечивать заданный уровень безопасности, и уже как производное, это доверие к нам».

Тем не менее, руководители некоторых НКО отмечали, что ощущают, скорее, недоверие к своей организации. Отчасти это недоверие объясняется спецификой деятельности конкретной НКО (например, ТСЖ сталкиваются с недоверием к сфере ЖКХ в целом, что не может не отразиться на отношении к конкретной организации):

«К ЖКХ идет накат большого недоверия. Мы со своей стороны стараемся быть во всем открыты. Каждый может изложить свою точку зрения, предлагать какие-то свои решения, но бывают такие люди, которым все плохо».

«Я бы сказал, что имеет место высокий уровень доверия только со стороны тех групп населения, которые были вовлечены в наши программы, почувствовал на себе эффект от той или иной инициативы. Конечно, они начинают с большим уровнем доверия относиться к такого рода организациям, как наша».

Мнения респондентов по вопросу о том, какие группы населения проявляют, наибольшее доверие к некоммерческим организациям, разделились. Часть руководителей НКО считают, что наибольшее доверие проявляют пожилые люди, чем молодежь:

«Наибольшее доверие у людей брежневской закалки, которые росли в те времена. И меньше доверия у молодежи, которая выросла уже после перестройки. Я думаю, связано это с избытком информации, засоренностью СМИ, хаотичностью подачи информации».

«Мне кажется, что пенсионеры больше доверяют. Пенсионеры больше в нашей организации заинтересованы. Они обращаются чаще. У них интерес и доверие больше».

«Подростки меньше доверяют. Свойства возраста. Очень много сил надо вложить, чтобы заслужить доверие подростка».

Другие, напротив, считают, что заслужить доверие пенсионеров гораздо сложнее, чем молодежи:

«Как ни странно, меньше доверяют пенсионеры, они у нас никому не доверяют. Они все недоверчивые очень сильно. Я думаю, что это связано с традициями нашей страны и с нашим советским прошлым».

Результаты нашего массового опроса⁹ показывают, что при ответе на симметричный о доверии/недоверии вопрос: «А каким общественным объединениям и другим некоммерческим организациям, общественным гражданским инициативам Вы точно не доверяете?» затруднились ответить 37% опрошенных, и еще 5% сказали: «всем доверяю». Остальные 34% респондентов составили «рейтинг недоверия», который возглавили политические партии. Им не доверяют 19% опрошенных россиян. Остальные НКО упоминаются заметно реже. Больше 5% россиян упомянули лишь три типа НКО: товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы (8%), профсоюзы (7%) и религиозные общины, организации, движения (6%). Остальные упоминают 4% и менее респондентов.

Значимых различий по гендерному признаку в вопросе о доверии НКО в ходе наших исследований не выявлено. И мужчины и женщины чаще выбирают общества защиты прав потребителей (11% и 13% соответственно, в среднем – 12%). На втором месте – ветеранские объединения (11% и 8%, в среднем – 9%), а на третьем – садовые и дачные товарищества (по 8%). Затрудняются ответить, либо дают отрицательный ответ и мужчины и женщины также примерно одинаково часто (40% и 38%, в среднем – 39%).

⁹ По результатам всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ГУ-ВШЭ и ФОМ в 2010 году (n = 41500 чел., в каждом субъекте РФ – по 500 чел.).

Отличия в доверии НКО в разных возрастных группах несущественны. Можно отметить лишь, что самые пожилые респонденты реже, чем представители других возрастных групп, доверяют обществам защиты прав потребителей (8%). В отношении к другим НКО распределение в возрастных группах колеблется вокруг средних.

Исследование зафиксировало тенденцию к росту доверия к НКО с ростом образования. Люди с высшим образованием несколько чаще доверяют: обществам защиты прав потребителей (16%, в среднем – 12%); садовым и дачным товариществам и профсоюзам (по 11%, в среднем – по 8%); спортивным, туристическим, охотничьим, автомобилистским объединениям и клубам (9%, в среднем – 6%); культурным, краеведческим, природоохранным движениям, инициативным группам (7%, в среднем – 4%). Анализ мнений респондентов с разным уровнем образования в вопросе о недоверии НКО показал, что люди с высшим образованием чаще остальных говорят о недоверии к политическим партиям (26%, в среднем – 19%). Несколько чаще других они говорят также о недоверии к профсоюзам (9%, в среднем – 7%). В отношении остальных НКО представители группы солидарны с большинством россиян.

По роду занятий значимые отличия от средних зафиксированы в лишь группах студентов и предпринимателей. Первые чаще говорят о доверии тем НКО, которые связаны со сферой их учебы или досуга, а вторые чаще доверяют обществам защиты прав потребителей.

В распределении мнений о доверии НКО по типам населенных пунктов наиболее заметно недоверие жителей Москвы большинству из них. При этом в Москве наиболее высокий уровень информированности о НКО по сравнению с другими регионами страны.

Что касается вопроса о тех НКО, которым респонденты точно не склонны доверять, то и здесь мнения участников НКО и тех, кто ими не является, несколько отличаются. Интересно, что о своем недоверии политическим партиям чаще говорят те, кто состоит хотя бы в одной НКО (28% против 19% среди тех, кто в таких организациях не состоит). Аналогичная ситуация складывается с товариществами собственников жилья и ЖСК, а также профсоюзами (12% и 11% против 8% и 7% соответственно).

При этом уровень недоверия к ветеранским объединениям, профессиональным ассоциациям и творческим союзам, спортивным, туристическим, охотничьим и автомобилистским клубам, культурным, краеведческим, природоохранным движениям не различается в зависимости от участия или неучастия респондента в деятельности НКО.

Заключение

Таким образом, гражданскому обществу в нашей стране необходима развитая культура доверия, которая понимается не только как комплекс исторически сформированных установок, норм и ценностей, но и как активно воспроизводимая в социальных практиках гражданского общества структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться¹⁰. Исторически в нашей стране на протяжении длительного советского периода формировалась, скорее культура недоверия. На наш взгляд, в настоящее время большое значение имеют механизмы сознательного планирования и регулирования соответствующей структуры отношений. В связи с этим большое значение имеют действия самих НКО как акторов гражданского общества на принципах открытости. Как показали результаты исследований, это направление формирования своего имиджа у российских НКО не достаточно развито. Как было показано в аналитическом докладе «Гражданское общество в модернизирующейся России», большинство организаций гражданского общества не стремится к демонстрации соответствия стандартам и открытости. Многие организации не публикуют финансовые отчеты о своей деятельности, также в большинстве организаций отсутствуют различные документы, регулирующие поведение сотрудников, отношения с окружающей средой и т.п. [4, С. 43]. Не меньшее значение имеют действия на уровне институтов – действия государства по созданию благоприятных условий для деятельности НКО способны стимулировать открытость НКО и открытость третьего сектора, доступность для населения информации о нем.

¹⁰ В данном определении прослеживается аналогия с подходом Ю.В. Веселова к культуре доверия. См.: [3, С. 32].

Литература

1. Алексеева А.Ю. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения// Социальная реальность. 2008. № 7. С. 85-98.
2. Андропова И.В. Гражданское общество: теоретико-методологические исследования// Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. №7. С. 9-13.
3. Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия// Экономика и социология доверия/ под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 16-32.
4. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика// Полис. 2000. № 3. С. 104-116.
5. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии// THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 1. С. 57-82.
6. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России// Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25-36.
7. Гражданское общество в модернизирующейся России. [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2011.
8. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 3-51.
9. Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7-24.
10. Корнай Я. Честность и доверие в переходной экономике// Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 4-17.
11. Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии// Полис. 1991. № 5. С. 128-138.
12. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
13. Луман Н. Теория общества// Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.
14. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения// Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 94-103.
15. Межуев В.М. Гражданское общество и современная Россия // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. М., ИФРАН. 2008.
16. Минина В.Н. Проблема недоверия в системе государственного управления современным российским обществом // Социология политики и управления. СПб.: Книжный дом, 2002.
17. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии/ Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Ad Marginem», 1996.
18. Потенциал и пути развития филантропии в России/ Под. ред. И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсона. М., 2010.
19. Савинков Л.Л. Некоторые подходы к осмыслению понятия «гражданское общество» // Вестник Оренбургского государственного университета. – Часть 1. Гуманитарные науки. – 2007. – № 7. – С. 101-105.
20. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
21. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.
22. Филатов Н.Н. Особенности концептуального обоснования гражданского общества в современной России // Вестник Башкирского университета. 2007. Выпуск 4. Том 12. С. 120-135.
23. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством/ Под. ред. Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.
24. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004.
25. Экономика и социология доверия/ Под ред. Ю. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004.
26. Barber B. The logic and Limits of Trast. New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1983.
27. Beyond the Magic Bullet: NGO Performance and Accountability in the Post-Cold War World/ Edwards

- M., Hulme D. (eds.). London: Macmillan, 1995.
28. Coleman J.T. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
29. Fisher J. Non-governments: NGOs and the Political Development of the Third World. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1998.
30. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Simon and Schuster, 1995.
31. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
32. Giddens A. The Third Way and its Critics. London: Polity Press, 1999.
33. Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume Two./ Salamon L.M., Sokolowski S.W. and Associates. – Bloomfield: Kumarian Press, 2004.
34. Luhman N. Trust and Power. Chichester: Wiley, 1979.
35. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
36. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
37. The New Public Management in Action/ Ewan Ferlie (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1996.